

СОБРАНИЕ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНИЙ
К. Д. УШИНСКАГО.

1364-452

03.0

МАТЕРИАЛЫ

для

Педагогической Антропологии

т. III

10р

И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская 20.
1908.

ПИСЬМА
о воспитании
наследника русского престола.

Письмо 1-е *).

Вы слишкомъ снисходительны были ко мнѣ и слишкомъ высоко оцѣнили меня, выразивъ желаніе, чтобы я изложилъ Вамъ письменно мысли свои о воспитаніи. Не думаю, чтобы я могъ сказать что-нибудь новое и особенно важное, потому что обѣ этомъ предметѣ уже передумано много людьми ближе знающими и потребности и средства той сферы, которая слишкомъ высока для насъ, чтобы наши мнѣнія о ней отличались практичесностью и приложимостью. Я сначала раскаивался было въ обѣщаніи, данномъ Вамъ, но потомъ, вспомнивши всѣ тѣ педагогические совѣты и мнѣнія, съ которыми я до сихъ поръ встрѣчался въ С.-Петербургѣ, рѣшился высказать и мое слово, надѣясь, что и въ немъ будетъ оттѣнокъ оригинальности и хоть небольшая доля существенной пользы. Повѣрьте, что не фальшивое скромничанье заставляетъ меня говорить такъ, но глубокое и чистосердечное сознаніе важности и святости дѣла, которое своимъ обширнымъ значеніемъ, если не превосходить, то по крайней мѣрѣ равняется съ самыми высокими государственными дѣлами и реформами. Но кроме важности своей это дѣло такъ близко сердцу каждого русского человѣка, такъ тѣсно связано съ благоденствиемъ его родины, такъ близко,

*) О времени и обстоятельствахъ появленія этихъ писемъ не удалось установить ничего достовѣрного въ виду полной невозможности проникнуть въ архивы для отысканія подлинника; въ черновыхъ же рукописяхъ, по которымъ печатаются настоящія письма, годъ не обозначенъ; тѣмъ не менѣе по некоторымъ даннымъ можно предположить, что они были написаны приблизительно въ 1859 году для одной высокопоставленной особы. Изд.

современно и действительно, что объ немъ нельзя разсуждать съ тою решительностью, съ которой можно говорить о самыхъ важныхъ вопросахъ человѣческой жизни. Мы такъ до сихъ поръ были удалены отъ всякой общественной дѣятельности, что именно потому самому и привыкли къ особенной рѣзкости и решительности подобныхъ сужденій и приговоровъ, сами, въ глубинѣ души, не придавая реальной важности нашимъ сужденіямъ и приговорамъ. Но когда высказанное слово поднимается до той высоты, где слово становится дѣломъ, тогда невольно становишься осторожнымъ, а отъ непривычки даже нерѣшительнымъ и робкимъ. Повѣрьте, что мнѣ какъ-то странно говорить объ этомъ предметѣ въ письмахъ къ Вамъ, хотя мнѣ не разъ случалось и говорить, а много разъ и думать о немъ. Примите же мои слова за то, что они въ самомъ дѣлѣ: чисто-сердечное, старательно взвѣшенное мнѣніе человѣка, который и самъ не придаетъ большого значенія своему мнѣнію. Я бы самъ испугался, если бы могъ быть однимъ изъ компетентныхъ судей въ этомъ дѣлѣ, и отказался бы отъ этой обязанности, чувствуя вполнѣ всю слабость силъ своихъ. Мы привыкли очень строго судить другихъ именно потому, что изъ этого суда ничего не выходило. Но обращая взоры на самихъ себя, прогоняя самолюбіе хотя на мгновеніе, мы и самихъ себя видимъ въ томъ же совершенномъ безобразіи, въ которомъ съ такимъ увлеченіемъ укоряли другихъ.

Дѣло воспитанія такое важное и такое святое, именно святое дѣло, такое решительное и непоправимое, что рука всякаго истинно-русскаго человѣка, прикасаясь къ нему, невольно задрожитъ. Здѣсь сятся сѣмена благоденствія или несчастія миллионовъ соотечественниковъ, здѣсь раскрывается завѣса будущаго нашей родины, которое убиваетъ умъ не только своею неизвѣстностью, но тѣмъ безконечнымъ богатствомъ содержанія, которое только чувствуется сердцемъ и не можетъ быть сознано умомъ.

Первый вопросъ въ этомъ дѣлѣ таковъ: не поздно ли уже разсуждать о воспитанії? Не миновала ли пора воспитанія? Не начинается ли пора примѣровъ, дѣятельности? Едвали это такъ. Шестнадцатилѣтній возрастъ именно то время, когда начинаетъ формироваться въ человѣкѣ убѣжденіе. Слѣдовательно, если первая пора воспитанія, когда въ человѣкѣ безсознательно, подъ вліяніемъ окружающей его воспитательной атмосферы, образуется привычка, и полагается прочное начало полусознательнымъ наклонностямъ, хотя эта пора и прошла уже, но только теперь настаетъ пора воспитанія идеи, мысли, таинственная формациѣ взглядовъ на жизнь и убѣжденій,— именно та пора, когда наука начинаетъ дѣйствовать на душу человѣка.

Конечно, важная половина воспитательного периода уже прошла; но нѣть сомнѣнія, что она прошла для Наслѣдника благодѣтельно, т. е. что въ немъ образовались добрыя и благородныя наклонности. Не скрою, что ходять темные слухи, что въ первоначальномъ воспитаніи Наслѣдника было много упущено. Но я не придавалъ этимъ слухамъ никогда большого значенія, если бы даже они были справедливы. Недостатокъ тѣхъ или другихъ фактическихъ научныхъ свѣдѣній не имѣеть для Наслѣдника большого значенія. При тѣхъ средствахъ, которыми обладаетъ воспитаніе при такой высокой сферѣ, недостатокъ фактическихъ свѣдѣній можетъ быть пополненъ быстро, легко и незамѣтно. Дѣло здѣсь не въ фактическихъ свѣдѣніяхъ, но въ томъ душевномъ и умственномъ развитіи, которое дается идею науки. Дѣло же воспитателя въ томъ и состоитъ, чтобы,бросивши съ науки всѣ педантическія ея формы, приблизить ее къ пониманію слушателя и въ то же время сообщать ему тѣ фактическія свѣдѣнія, которыхъ необходимы для такого пониманія. Знаніе подробностей и мелочей науки необходимо или для того, кто изъ занятія ею хочетъ составить цѣль своей жизни, или для техника и исполнителя. Но для будущаго правителя

и законодателя такія мелочи едва ли не бесполезны. Для него нужно, чтобы онъ понималъ все, что вокругъ него дѣлается, и могъ всему давать направлениe, чтобы онъ могъ оцѣнить дѣло исполнителя, а исполнители найдутся. Вотъ почему нельзя придавать большой важности тѣмъ или другимъ упущеніямъ въ фактическихъ свѣдѣніяхъ и, Боже сохрани, только ими отягчать молодой умъ въ то время, когда уже онъ требуетъ болѣе дѣйствительной пищи, требуетъ идеи, чувства, одушевленія.

Утомляемый сухостью науки онъ можетъ отворотиться отъ нея и начать искать идеи тамъ, гдѣ ея нѣть, въ пустой, хотя и блестящей обыденной жизни, которая уже потому возьметъ верхъ, что она все же жизнь, а въ наукѣ онъ встрѣтилъ мертвый, давно похороненный, ни къ чему ненужный фактъ. Шестнадцатилѣтній возрастъ такая пора человѣческой жизни, когда человѣкъ, чтобы учиться, долженъ быть или увлеченъ самою наукой, или тою глубиною жизни, которую передъ нимъ раскроетъ наука. Въ эти годы душевной жажды всего больше необходимо наблюдать надъ тѣмъ, чтобы эта жажда дѣйствительно удовлетворялась, но удовлетворялась тѣмъ, чѣмъ должно, потому что если она не будетъ удовлетворена наукой, то она все же отыщетъ себѣ удовлетвореніе, но можетъ быть отыщетъ самое жалкое и ничтожное. Здѣсь уже пора воспитанія изъ повиновенія прекращается и начинается пора воспитанія изъ жажды знанія и жажды дѣятельности. Въ эти первые годы юности именно и начинается образованіе человѣка наукой. До тѣхъ поръ совершаются въ человѣкѣ безсознательное умственное развитіе, скорѣе подъ вліяніемъ окружающей сферы, чѣмъ подъ вліяніемъ сухихъ и незанимателныхъ фактovъ первоначальной науки, и главное развитіе наклонностей. Но кто имѣль только счастіе знать Государыню Императрицу, тотъ непремѣнно вынесеть убѣжденіе, что сынъ Ея можетъ имѣть только хорошія наклонности. Вліяніе матери до этого возраста дѣлаетъ

несравненно болѣе, чѣмъ всякое вліяніе учителя или воспитателя. Слѣдовательно, образованіе, зависящее собственно отъ науки, для Наслѣдника только что начинается и, дай Боже, чтобы всякаго рода обыденные церемоніалы и всѣ опасности высокаго положенія не окружили его слишкомъ рано, прежде чѣмъ въ немъ сформируются самостоятельныя убѣжденія, прежде чѣмъ онъ самъ уже собственными своими глазами, а не чужими, будетъ въ состояніи дать настоящую оцѣнку всему окружающему. Здѣсь, въ этомъ возрастѣ—совѣты, наставленія уже мало помогаютъ. Юность любуется своими рождающимися силами и не любить ходить на помочахъ. Здѣсь уже возможны только свободныя убѣжденія, овладѣвающія мыслью, плѣняющія воображеніе и потому уже проникающія въ сердце и характеръ. Въ эти годы добрая или худая почва человѣка уже готова, весна началась и земля ожидаетъ только сѣянія: душа раскрылась и готова, по своимъ свойствамъ, дать болѣе или менѣе богатую жатву тѣхъ плодовъ, сѣмена идеи которыхъ будутъ въ нее брошены. Такимъ образомъ въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ начинается въ человѣкѣ образованіе убѣжденій подъ вліяніемъ тѣхъ явлений, которыя его окружаютъ, и тѣхъ мыслей, которая въ немъ пробуждаются этими явленіями. Дѣло воспитанія, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы занять умъ воспитанника въ это время такими идеями и мыслями, которые могутъ современемъ принести въ немъ добрые плоды. До сихъ поръ приготовлялась почва и теперь только настаетъ юность—весна жизни—пора сѣянія. О дай Боже, чтобы ни одно дурное сѣмя не попало даже какъ-нибудь нечаянно въ эту юную душу, которой суждено быть душою шестидесяти миллионовъ русскаго народа.

Слѣдовательно, говорить о воспитаніи Наслѣдника въ настоящемъ его возрастѣ, все равно, что говорить о томъ—развитію какихъ убѣжденій долженъ способствовать, по возможности, его воспитатель. Или, другими словами: какія убѣжденія жела-

тельно бы видѣть въ Русскомъ Монархѣ. Вотъ къ какому страшному вопросу приходитъ вопросъ воспитанія Наслѣдника Престола. Вопросъ необъятный, подавляющій своею громадностю самый смѣлый умъ.

Но если убѣжденія начинаютъ формироваться въ человѣкѣ во время юности, то, тѣмъ не менѣе, въ продолженіе всей жизни они образуются далѣе, крѣпнутъ, видоизмѣняются, иногда рушатся. И воспитаніе, если оно только не іезуитское воспитаніе, не имѣетъ даже права создавать вполнѣ законченныхъ убѣжденій, не имѣетъ права посягать на свободу души человѣческой. Оно только открываетъ путь образованію убѣжденій и, пользуясь вѣковою опытностью науки, защищаетъ юное, формирующееся убѣжденіе отъ всѣхъ положительно вредныхъ вліяній. Воспитатель, руководствуясь своимъ собственнымъ, выработавшимся въ немъ, убѣженіемъ, — только освѣщаетъ путь молодой душѣ, показывая ей тѣ пропасти, куда провалились другіе и обманчивою обстановкою которыхъ могла бы и она увлечься по своей неопытности. Тутъ уже незачѣмъ прикрывать и полузакрывать всякия опасныя мѣста жизни, а напротивъ надобно открывать ихъ и показывать въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно существуютъ. Воспитывая частнаго человѣка и эгоистически заботясь о такъ называемомъ счастіи его жизни, часто прибегаютъ къ хитростямъ воспитанія. Но воспитывая человѣка, который долженъ стоять вверху всего, знать и понимать все — должно прибегать только къ истинѣ. Вотъ почему я полагаю, что въ воспитателѣ Наслѣдника всего важнѣе его собственное убѣжденіе, потому что надѣть маску какихъ бы то ни было убѣжденій въ дѣлѣ воспитанія невозможно. Юность чрезвычайно чутка и мертвящій холодъ притворства нечувствительно, безсознательно отразится въ воспитаніи. Боже мой! какъ долженъ быть увѣренъ человѣкъ въ чистотѣ, искренности, истинѣ и народности своихъ убѣжденій, который принимаетъ на себя обязанность стать бдительнымъ

стражемъ при образованіи убѣжденій будущаго русскаго Монарха. Конечно, о личныхъ расчетахъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Можно извлекать имъ выгоды изъ всего, но только не изъ будущаго благосостоянія русскаго народа. Но здѣсь одной искренности мало, надо быть еще увѣреннымъ, что мои убѣжденія дѣйствительно не только вполнѣ человѣческія, но и вполнѣ русскія убѣжденія. Но, можетъ быть, вы спросите меня, что такое русскія убѣжденія? Знаю ли я ихъ? Гдѣ ихъ отыскать? — На это я отвѣчу вамъ: что я ихъ не знаю, что я ихъ не нашелъ, но что они должны быть, что они чувствуются сердцемъ, и что если ихъ можно найти, то конечно уже не за границею.

Мы до сихъ порь пользовались иноземными убѣжденіями, зато мы и мѣняли ихъ легко, зато они и прививались къ намъ плохо и приносили мало существенной пользы. Но въ настоящее время западная Европа дала намъ страшный урокъ: тысячи ея убѣжденій сразились и разсыпались какъ прахъ. Теперь намъ, къ счастію или къ несчастію, но уже нечemu подражать: гдѣ за границей мы найдемъ убѣженіе, которое мы могли бы признать своимъ? Ужъ, конечно, не во Франціи,— гдѣ правительство держится только отсутствиемъ прочныхъ убѣжденій въ обществѣ и гдѣ общество довольно правительствомъ именно потому, что у него нѣть никакихъ убѣжденій. Да и не въ Германіи, гдѣ и метафизическая и государственная философія выродилась въ самая безобразныя утопіи, нелѣпость и неприложимость которыхъ оказалась такимъ блестящимъ образомъ. И гдѣ лютеранізмъ разбился на множество партій, изъ которыхъ крайнія граничатъ съ атеизмомъ.

А идти впередъ необходимо, необходимо не только потому, что ходъ назадъ государственного организма есть его разрушение, но и потому, что позади въ исторіи Россіи нѣть ничего, къ чему бы желательно было воротиться. Въ настоящее время всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ требуютъ улучшеній и преобразованій

по всемъ частямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти требованія будутъ все возрастать болѣе и болѣе. Заставить ихъ умолкнуть на время, конечно, можно, но это значитъ гноить государство и народъ. Жизненные соки, не находя себѣ исхода, вмѣсто того, чтобы способствовать силѣ и развитію, будутъ производить раны тѣмъ болѣе глубокія и трудно излечимыя, чѣмъ обильнѣе будутъ эти соки. И весьма ошибочно бы было разсчитывать на спокойствіе отъ такого задавливанія требованій народа. Если мы впереди боимся революціи, то не забудемъ, что позади насъ стоитъ пугачевщина или что-нибудь въ родѣ нынѣшней китайской рѣзни. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, трудно не видѣть, что благоденствіе Россіи, а слѣдовательно и счастіе ея Монарха, заключается не въ остановкѣ развитія, и не въ подражаніи западнымъ преобразованіямъ, а въ самостоятельномъ развитіи государственного народного организма, вытекающемъ изъ сознанія дѣйствительныхъ народныхъ потребностей, а не изъ дѣтскаго желанія утонуться за Западомъ.

Задача русского правительства съ каждымъ годомъ становится труднѣе и сложнѣе. Теперь уже нельзя только продолжать дѣло, начатое Петромъ Великимъ, только усваивать то, что появляется за границею, потому что видимо эти устроенія не могутъ повести ни къ чему добруму; теперь слѣдуетъ самимъ отыскивать путь, отбросивши иноземные указы, а для того, чтобы найти истинный путь, болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо обратиться къ самому народу; узнать его не только материальныя, но и духовныя потребности. Но мало узнать, надо сродниться съ нимъ, сдѣлать ихъ потребностями своей собственной души и, удовлетворяя этимъ потребностямъ, прокладывать народу историческую дорогу впередъ. Узнать материальныя потребности,—это довольно легко; ихъ можетъ узнать и чуждый намъ человѣкъ, если только посвятить жизнь и умственнымъ силамъ Россіи, но узнать духовныя потребности народа можетъ только русскій, который самъ въ себѣ ихъ пере-

чувствовалъ. Потому что эти потребности чужды иностранцу. Самый простой человѣкъ, если захочетъ сдѣлать сына своего полезнымъ русскимъ гражданиномъ, а не космополитомъ сего міра, вѣроятно не прибѣгнетъ съ просьбою объ этомъ къ иностранцу, и особенно къ такому, которому даже языкъ нашъ меныше знакомъ, чѣмъ языкъ давно несуществующихъ римлянъ и грековъ. Презрѣніе непостижимое! антипатія необъяснимая! и между тѣмъ дѣйствительно: живя въ Китаѣ—нѣмецъ выучивается по-китайски, даже не ъездивши въ Индію—выучивается по-санскритски, а принимая на себя должность воспитателя правителя Россіи, не хочетъ выучиться по-русски. Неужели можно полагать, что такое презрѣніе къ народности нашей—можеть не оскорблять насъ до глубины души. Неужели можно предполагать, что въ самой бѣдной хижинѣ, самыи простой человѣкъ, отецъ семейства, услышавши о такомъ фактѣ (а кто же о немъ не слышалъ), — съ огорченіемъ не спросить себя: что же это, наконецъ, такое? По какому же праву будущаго русскаго Царя воспитываеть человѣкъ, который не знаетъ ни слова по-русски? Мало этого, человѣкъ, который, проживши десять лѣтъ въ Россіи, такъ презиралъ русскую народность, что не могъ понять страницу русской книги. Неужели можно полагать, что этотъ фактъ неизвѣстенъ Россіи, и что онъ не бросить тѣни на будущее царствованіе. Прежде еще можно было обманываться надеждою учиться и жить по-нѣмецки, а теперь едва ли сами русскіе Монархи захотятъ идти по слѣдамъ Германіи. Еще Фонвизинъ издѣвался надъ страстью къ нѣмецкимъ учителямъ, а въ настоящее время это до того не современный фактъ, что не вѣришь ушамъ своимъ. Чтобы воспитать ученаго, можно еще прибѣгнуть къ помощи нѣмца; но чтобы воспитать русскаго Царя, человѣка, который долженъ быть по преимуществу русскій... Это какъ-то непонятно! Какъ же онъ выберетъ для него наставника, какъ же онъ будетъ слѣдить за направленіемъ пре-

подаванія, какъ познакомить его съ русской литературой, съ требованіями и идеями, которыя въ ней высказываются; съ партіями и мнѣніями, которыми они образуются; словомъ, со всѣмъ тѣмъ потокомъ русской жизни, который разливается все шире и шире и направлениe которому долженъ будеть дать русскій Царь. Я пишу къ вамъ и только къ вамъ, а потому и позволилъ высказаться этому негодованію, которое можетъ безплодно огорчить другихъ. Но это чувство такъ ъдко, такъ оскорбительно, что невозможно удержать его, чтобы оно не высказалось въ ъдкихъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ. Я не знаю, кто внушилъ при Дворѣ эту несчастную мысль, но знаю только, какъ больно она отозвалась по всей Россіи. И тотъ плохо знаетъ современное ея состояніе, кто думаетъ, что и въ наше время можно такъ же безнаказанно, какъ и прежде, презирать нашу народность и потомъ пользоваться ея силою. Я не знаю убѣжденій г. Г., но знаю только одно: что если бы мнѣ, не знающему ни слова по-китайски, а слѣдовательно и не понимающему китайской жизни, предложили воспитывать китайского царевича, я бы отказался, и думаю, я поступилъ бы вовсе не геройски, а просто какъ честный человѣкъ, который не хочетъ нарушать благодеятствія стомилліоннаго населенія. И не хочетъ, чтобы оно заподозрило въ недостаткѣ народности своего будущаго правителя. Говорять, что причиной назначенія Г. были сдѣланныя прежде упущенія въ первоначальномъ образованіи Наслѣдника. Но неужели думаютъ, что въ Россіи нѣть людей, которые сумѣли бы преподавать азбуку науки и научить не только русской, французской, нѣмецкой, но даже китайской грамотѣ. Такое мнѣніе ужъ слишкомъ оскорбительно для самаго правительства и даже для самихъ нѣмцевъ, которые въ продолженіе полутораста лѣтъ учатъ насъ быть учителями. Нѣть! какъ хотите, а тутъ была другая цѣль. Россія вырывается изъ нѣмецкихъ пеленокъ, даже сама Германія ими не довольна. Но если германцы у себя на родинѣ сбились съ

прямой дороги, то неужели русские немцы думаютъ создать какую-то русско-немецкую народность. Боже мой! надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ широко раскидывается наша жизнь. Она унесетъ нашихъ русскихъ немцевъ; но не дай Богъ, чтобы она унесла и что-нибудь другое. Немецкая партія имѣла еще смыслъ, пока мы шли по стопамъ Германіи, а теперь куда же прикажете идти? Къ атеизму, материализму, къ коммунизму и прочимъ произведеніямъ западной жизни. Нѣтъ! Боже сохрани! Пусть русскій Царь будетъ стоять во главѣ русской партіи, потому что немецкая уже позади народнаго развитія.

Письмо 2-е.

Въ короткомъ, быстро набросанномъ очеркѣ трудно обнять всѣ стороны такого важнаго предмета и перечислить всѣ отличительныя качества воспитанія Наслѣдника. А потому я безъ всякой претензіи на полноту выставлю только тѣ изъ этихъ качествъ, которыя представляются мнѣ въ настоящее время.

Воспитаніе Наслѣдника должно быть духовно-эстетическое. Я бы назвалъ его идеальнымъ, если бы этому слову не было придано значенія чего-то ложнаго, несущественнаго. Постараюсь передать яснѣ мою мысль. Все въ мірѣ имѣеть форму и содержаніе, но рѣдко форма соответствуетъ содержанію, а часто случается наоборотъ, что подъ пышной формой вовсе нѣть никакого содержанія; а незначительная, повидимому, форма скрываетъ иногда безконечно глубокое содержаніе. Въ жизни бѣдной и простой формы окружающія человѣка такъ неизящны и непривлекательны, что если развитіе беретъ въ немъ верхъ надъ тѣломъ, то онъ невольно предпочитаетъ богатую и пышную мысль, идею и глубокое внутреннее чувство скучныхъ, иногда грязныхъ формамъ, окружающимъ его. Но чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, тѣмъ при-

влекательнѣе и изящнѣе окружающія его формы жизни и тѣмъ легче можетъ онъ увлечься этими формами и не замѣтить содѣржанія. Вотъ почему тѣмъ выше поставленъ человѣкъ въ обществѣ, тѣмъ болѣе воспитаніе должно стараться увлечь его красотою и глубиною содѣржанія мысли, идеи; тѣмъ прочнѣе должно оно укоренить въ душѣ его убѣжденія, что всякая пышность и блескъ есть только мишурा, стоящая много силъ, времени и денегъ и не имѣющая никакого значенія ни въ исторіи, ни для благоденствія народа, ни даже для счастія того, кто окружаетъ себя этой пышностью, этимъ блескомъ. Исторія чаше всего горько издѣвается надъ пышностію, прикрывающею ничтожество; и наоборотъ изъ самыхъ незначительныхъ, нищенскихъ формъ выводитъ неистощимыя рѣки исторіи. Картина трехъ распятыхъ на маленькомъ холмѣ за стѣнами Іерусалима не заключала въ себѣ ничего пышнаго и ничего величественнаго. Петръ Великій, пирующій съ шкіперами голландскихъ кораблей, тоже не могъ привлечь къ себѣ ни чьихъ взоровъ, привыкнувшихъ къ роскоши. А жилища римскихъ императоровъ, палаты римскихъ богачей и дворцы Бурбонской династіи никогда не блестали такою роскошью, какъ въ то время, когда и подъ ними и вокругъ нихъ стояли тысячи несчастій и опасностей, когда въ нихъ не было столько жизни и силы, чтобы пережить еще одинъ годъ, — когда подъ всѣмъ этимъ золотомъ скрывалась самая полная духовная нищета и не было ни одной живой идеи, изъ которой могло бы образоваться что-нибудь живое. Воспитатель, открывая взорамъ высокаго воспитанника и историческія событія и современныя состоянія общества,—долженъ постоянно укоренять въ немъ ту мысль, что въ исторіи и даже въ жизни отдалънаго человѣка важна идея, мысль, и что ее невозможно замѣтить никакою роскошною обстановкою... *).

*) Конецъ настоящаго письма утерянъ. Изд.

Письмо 3-е.

Въ первыхъ двухъ письмахъ моихъ, желая яснѣе выразить, какое направленіе вообще должно бы, по моему мнѣнію, имѣть преподаваніе наукъ Государю Наслѣднику, я коснулся наукъ географическихъ и историческихъ и упомянулъ случайно и о преподаваніи политической экономіи, хотя она не принадлежитъ уже къ кругу предметовъ общаго образованія, но къ наукамъ соціальнымъ, изучающимъ общественный организмъ во всѣхъ отношеніяхъ. Говорить о другихъ предметахъ общаго приготовительного образованія, какъ напримѣръ, о преподаваніи языковъ, первоначальной математики и проч. я не считаю необходимымъ, такъ какъ подготовительный періодъ образованія уже оконченъ. Теперь мнѣ остается обозрѣть въ большей системѣ три различныя области наукъ, съ которыми, какъ мнѣ кажется, долженъ быть ознакомленъ Государь Наслѣдникъ: 1) *область наукъ соціальныхъ* или общественныхъ, куда относятся науки юридическая, политическая и государственная; 2) *область наукъ математическихъ* съ ихъ приложеніями къ наукамъ военнымъ и техническимъ, о которыхъ, конечно, я могу сказать весьма немногое; и 3) *область наукъ эстетическихъ*, куда относятся: литература и знакомство съ теоріей искусствъ и художествъ, а равно и знакомство съ изящными произведеніями всѣхъ родовъ.—Всѣ эти науки требуютъ уже развитого сознанія и чувства уже созревшаго, а потому и самое преподаваніе ихъ только въ настоящее время получить полный свой смыслъ.

Въ числѣ этихъ трехъ областей науки первое мѣсто, безъ сомнѣнія, должно принадлежать наукамъ соціальнымъ; потому что Монархъ можетъ быть и не быть полководцемъ, смотря по его личнымъ дарованіямъ и наклонностямъ, но политикомъ, законодателемъ, верховнымъ правителемъ и верховнымъ судьею Онъ не можетъ не быть по самому сану своему.

Науки общественные.

Изучение наукъ социальныхъ или общественныхъ, т. е. юридическихъ, государственныхъ и политическихъ, имѣть общею цѣлью познакомить слушателя съ формами и элементами историческихъ общественныхъ организмовъ и законами ихъ развитія и жизни, такъ сказать съ анатоміею и физиологіею тѣхъ органическихъ живыхъ существъ, племенъ, народовъ и государствъ, жизнь которыхъ наполняетъ собою страницы всемирной истории. Но, преслѣдуя эту чисто научную цѣль, науки общественные должны стремиться къ достижению и другой—воспитательной: онѣ должны оказать дѣйствительное влияніе на образованіе въ слушателѣ правильныхъ общественныхъ убѣждений и не только дать ему научные элементы такихъ убѣждений, но и породить зародыши ихъ въ его сердцѣ. Это послѣднее значеніе общественныхъ наукъ такъ важно въ образованіи Государя Наслѣдника, что я попрошу позволенія остановиться на немъ; тѣмъ болѣе, что самая необходимость общественныхъ убѣждений еще далеко не сознана у насъ вполнѣ.

Давно уже въ русскомъ образованномъ обществѣ возстало смутное сознаніе, что многое идетъ у насъ не такъ, какъ бы слѣдовало, что наша общественная и административная нравственность въ большомъ упадкѣ, и что само русское общество, существуя по формѣ, не имѣть внутренней дѣйствительной жизни. Начиная съ Фонвизина, если еще не раньше, литература наша напала съ негодованіемъ на недостатки русской общественной жизни, но еще съ надеждою, что образованіе исправить ихъ. Однакоже прошло сто лѣтъ, масса образованныхъ людей увеличилась во сто разъ; а общественная нравственность не поднялась, если еще не понизилась. Вместѣ съ тѣмъ обличительный характеръ литературы со времени Гоголя усилился до чрезвычайности и наши обще-

ственныя язвы сдѣлались любимою темою нашихъ писателей. Но не въ одной литературѣ высказывалось недовольство русскаго общества самимъ собою: гдѣ только собирался кружокъ, въ которомъ были люди по крайней мѣрѣ имѣющіе притязаніе на благородство въ мысляхъ и поступкахъ, тамъ непремѣнно возникалъ нескончаемый рядъ разсказовъ или объ административныхъ чиновничихъ злоупотребленіяхъ, или различные анекдоты, обличающіе общественную безнравственность. Въ этихъ бесѣдахъ принимали одинаково живое участіе и лица, занимающія весьма важныя государственные должности, и лица, не пользующіяся никакимъ особыеннымъ значеніемъ.

Но, прослушавши нѣсколько такихъ бесѣдъ въ самыхъ различныхъ общественныхъ кружкахъ, нельзя было удержаться отъ мысли: отчего же при такомъ множествѣ людей, такъ сильно и такъ дружно осуждающихъ упадокъ общественной нравственности, не подымается она? Въ чемъ же и зло, какъ не въ людяхъ? Вчитываясь же и вслушиваясь далѣе въ эти романы, повѣсти, бесѣды, анекдоты и разсказы на одну и ту же вѣчную тему, нельзя было не замѣтить, что мы только сердимся и бранимся чрезвычайно какъ дружно и энергически; но что положительныхъ общественныхъ убѣжденій и положительныхъ дѣлъ у насъ очень и очень мало. Факты на лицо. Во всей нашей новѣйшей литературѣ едва встрѣчается два-три благородные характера и тѣ принадлежащіе къ людямъ старого, отжившаго поколѣнія, къ такъ называемымъ непосредственнымъ натурамъ, до которыхъ почти не коснулось ни научное образованіе, ни жизненная цивилизациѣ. Самымъ талантливымъ писателямъ нашимъ не удалась ни одна попытка нарисовать благородный общественный характеръ; а если они и решались на такую попытку, то критика дружно нападала на нее, аплодируя исключительно только картинамъ плутовства всякаго рода. Это исключительно-отрицательное направленіе литературы въ настоящее время достигло своего апогея, и наши модные жур-

налы набиты до того грязными личностями, что, прочитавъ какую-нибудь повѣсть, дѣйствительно уже иснытываешь то же чувство, какое долженъ испытывать человѣкъ, выходящій изъ тюрьмы. Замѣчательное явленіе! Въ настоящей литературѣ нашей не только не создано ни одного благороднаго характера, для чего, конечно, нуженъ талантъ, но даже иѣть ни одного *дидактическаго* или *философскаго* сочиненія, сколько-нибудь замѣчательнаго, которое высказывало бы какія-нибудь положительныя философскія, общественные или моральныя убѣждѣнія и высказывало такъ, чтобы критика не подняла его на смѣхъ. Я не говорю здѣсь о нашихъ богословскихъ сочиненіяхъ: о нихъ критика молчитъ. Повсюду казнить порокъ и неправду и тысячи отвратительнѣйшихъ лицъ проводятся передъ глазами читателя: но въ чье же имя казнятся всѣ эти личности? по какому нравственному кодексу произносить надъ ними свой уголовный судъ наша литература? На какомъ основаніи всѣ эти поступки считаются дурными поступками и въ чемъ состоять хорошіе? Чувству не довѣряеть современный человѣкъ, философіи не признаетъ, да и къ кодексу христіанской нравственности прибѣгаеть рѣдко. Увы! Понижение религіознаго уровня почти-что служить у насъ признакомъ возвышенія образования, и образованное общество, его передовые люди, сильно заподозрѣваютъ всякое проявленіе религіозности или въ невѣжествѣ, и это еще лучше, или въ притворствѣ, или въ сумашествіи. Съ какимъ озлобленіемъ, напримѣръ, накинулась вся русская журналистика на бѣднаго Гоголя, когда онъ печатно высказалъ свои религіозныя убѣждѣнія. Его обвиняли не въ экзальтациі, не въ неприличіи тона, въ чемъ дѣйствительно можно было обвинить его «Переписку съ друзьями»: иѣть, его, своего прежняго кумира, обличителя общественныхъ язвъ, обвинили во лжи, въ продажности и, столкнувшись съ подножіемъ, на которое сами же его подняли, поставили чуть не на ряду съ заклейменными общественнымъ презрѣніемъ торгашами лите-

ратуры. Но, когда своею трагическою смертью доказалъ Гоголь, по крайней мѣрѣ, искренность своихъ убѣждений, то его, не обинуясь, назвали сумасшедшими, хотя до послѣдней минуты въ словахъ и поступкахъ его выражался и здравый, ясный умъ и непреклонная воля. Странное, дикое явленіе, указывающее намъ всю глубину раны, мертвящей нашу общественную жизнь! Англія, образованнѣйшая страна міра, благовѣщетъ предъ своимъ Ньютономъ именно за то, что въ немъ безконечная глубина разума соединилась съ безконечною глубиною религіознаго чувства; а мы, едва выходя изъ мрака невѣжества, бросаемъ грязью въ своихъ великихъ людей, если они вздумаютъ признаться, что вѣрятъ Богу и считаютъ необходимымъ исполнить Его заповѣди и молиться Ему. Въ Англіи религіозность не только можетъ, но и должна идти рука объ руку съ самымъ высокимъ умственнымъ развитиемъ, образованіемъ и гражданскою свободою; а у насъ религія—признакъ певѣжества, безнравственности или безумія! И замѣчательно, что въ тѣхъ же самыхъ образованныхъ кружкахъ и въ тѣхъ же самыхъ журналахъ та же Англія ставится образцомъ цивилизованнаго государства. Такія рѣзкія противорѣчія, обличающія всю шаткость, всю ничтожность нашихъ общественныхъ убѣждений, попадаются на каждомъ шагу.

Но вотъ еще одинъ изъ признаковъ, взятый уже изъ міра практическаго, который такъ же обличаетъ отсутствіе убѣждений въ русскомъ образованномъ обществѣ. Есть ли у насъ хотя одинъ государственный человѣкъ, который бы пользовался популярностью? Смѣло можно отвѣтить—ни одного. Пока человѣкъ еще не вышелъ на верхъ, его иногда хвалятъ, на него указываетъ иногда общественное мнѣніе, какъ на лицо, которое могло бы сдѣлать много хорошаго, если бы его не оставляли въ тѣни; но стоитъ ему только выдвинуться—и общественное мнѣніе пойдетъ чернить по дѣломъ (и чаще по дѣламъ), а иногда и безъ дѣла своего вчерашняго любимца. Это

явление тоже чисто русское, чуждое Запада, показываетъ, что у насъ нѣть ни положительныхъ общественныхъ убѣжденій, ни людей, ими проникнутыхъ и которые могли бы явиться ихъ представителями въ государственной дѣятельности.

Но еще яснѣе выкажется это отсутствіе жизни въ нашемъ обществѣ, если всматриваться въ индивидуальные характеры лицъ, принадлежащихъ къ нашему образованному классу. За исключеніемъ весьма небольшого числа людей, общественные убѣжденія которыхъ опредѣлились и высказались и которые по тому самому стоять одиноко посреди отшатнувшейся отъ нихъ толпы, мы видимъ въ нашемъ обществѣ три сорта людей: людей съ сильными эгоистическими, анти-общественными убѣжденіями; людей съ слабыми, хаотическими общественными стремленіями, не выработавшимися въ убѣжденія, и—мечтателей-утопистовъ. Я позволю себѣ подробнѣе очертить эти три класса.

У людей съ эгоистическими убѣжденіями, число которыхъ въ служебномъ мірѣ громадно, окончательно утрачена самая вѣра въ необходимость, возможность и пользу какихъ бы то ни было общественныхъ убѣжденій и даже способность къ nimъ; но зато тѣмъ сосредоточеннѣе и сильнѣе выработалось въ нихъ анти-общественное убѣжденіе, которое можно выразить двумя словами: «хорошо то, что мнѣ выгодно». Это, къ величайшему несчастію общества, классъ людей самый многочисленный, самый дѣятельный, самый сильный, умножающійся годъ отъ году съ поразительною быстротою, и который все будетъ прибывать болѣе и болѣе, пока общество останется безъ высказанныхъ и сильныхъ убѣжденій, раздѣляемыхъ, или, по крайней мѣрѣ, допускаемыхъ Правительствомъ. Свойство этого класса людей таково, что они всегда оставлять Правительству всю форму, всю обстановку власти; но въ сущности лишать его всякой силы, сдѣлаютъ на дѣлѣ безсильнѣе не только самаго ограниченного изъ правительствъ, но даже слабѣе частнаго чело-

вѣка, который, по крайней мѣрѣ, своими руками можетъ сдѣлать то, что задумаетъ. Я ни съ чѣмъ инымъ не могу сравнить этого многочисленнаго класса тихихъ, покорныхъ, добропорядочныхъ людей, какъ только съ извѣстною породою американскихъ муравьевъ, которые такъ искусно и незамѣтно выѣдаютъ деревья и даже мебель и строенія, что они долго еще сохраняютъ всю свою вицѣнную форму, пока случайный вѣтеръ, дунувъ, не свалитъ ихъ и не обнаружитъ, что это были только призраки венцей, а не самыя вещи. Всякая правительственная мѣра, въ особенности добрая, подвергается со стороны этихъ людей, всегда дѣятельныхъ исполнителей, точно такому же выѣданію и вытачиванію. Всякое общественное бѣдствіе, дурное ли управлениѣ, война ли, голодъ ли, моръ ли—все является для нихъ источникомъ выгодъ.

Къ другому сорту людей русскаго образованнаго общества принадлежать всѣ тѣ личности, которыя или по врождённому благородству своей натуры, или по какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ не попали на торную, дозволенную, официальную дорогу эгоизма; но, вмѣсть съ тѣмъ, и не выработали никакихъ опредѣленныхъ общественныхъ убѣжденій. Они, или не получивъ логического образованія, *не сумѣли*, или по недостатку энергіи духовной жизни, *полѣнились*, или захваченные рано житейскими тревогами, *не успѣли*, или, наконецъ, видя къ чему иногда доводятъ высказанныя общественные убѣжденія, *побоялись* свести къ одному результату тѣ идеи, которыми и образованіе и окружающая ихъ жизнь наполнили ихъ умъ. Такіе люди могутъ много знать, многое передумать, многое перечувствовать въ различные моменты своей жизни; но такъ какъ они не давали себѣ отчета въ томъ, что они знаютъ, думаютъ и чувствуютъ, въ чемъ они убѣждены, въ чемъ сомнѣваются и во что вѣрятъ, не заглянули внутрь самихъ себя и не позаботились освѣтить и привести въ иѣкоторый порядокъ царствующій въ нихъ хаосъ, то вся

ихъ жизнь дѣлается отраженіемъ этого хаоса, а ихъ мимолѣтныя убѣжденія игрушкой всѣхъ случайностей жизни. Такія хаотическія натуры весьма часто попадаются въ русскомъ образованномъ обществѣ и, за исключеніемъ немногихъ личностей, нравственные убѣжденія которыхъ выработались окончательно,—это лучшіе люди общества, потому что они, по крайней мѣрѣ, сознаютъ необходимость убѣжденій и, по благородству своей природы, хотя и увлекаются часто противорѣчащими другъ другу идеями, но, по крайней мѣрѣ, хотя чѣмъ-нибудь да увлекаются.

Въ этой печальной картинѣ, въ которой люди, заботящіеся объ обществѣ только, какъ объ источникѣ собственныхъ выгодъ, составляютъ темный, рѣзко выдающійся фонъ, проглядываются изрѣдка блестящія, но эфемерныя явленія утопистовъ, которыхъ, несмотря на протоворѣчіе окружающей ихъ дѣйствительности, упорно остаются при своихъ убѣжденіяхъ, составившихся въ ихъ умахъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ случайностей. Не получая основательного *общаго* образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не дающихъ никакихъ убѣждепій и не имѣющихъ решительно никакого вліянія на правильное развитіе характеровъ, занимаясь потомъ специальными и большею частью техническими ремесленными предметами въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже въ университетахъ, русская образованная молодежь не выносить изъ воспитанія никакихъ прочныхъ метафизическихъ воззрѣній, никакихъ выработанныхъ нравственныхъ и общественныхъ принциповъ. Вотъ почему у насъ можно часто встрѣтить не только неопытныхъ молодыхъ людей, но даже искусственныхъ техниковъ, моряковъ, математиковъ, инженеровъ, которые, по неразвитию души своей, являются или безсознательными эгоистами, какъ дѣти, или тоже настоящими дѣтьми, готовыми подчиниться вліянію первой вздорной книжонки и первой блестящей, хотя въ сущности эфемерной мысли, которая почему-нибудь на

нихъ подѣйствуетъ. И чѣмъ благороднѣе природа юноши, чѣмъ сильнѣе бьетъ въ сердцѣ его родникъ того великаго *чувства общественности*, которое при другихъ условіяхъ дѣлается обильнымъ источникомъ общественной пользы, тѣмъ легче онъ предается утопіи. Молодая, благородная душа, для которой официальный, торный путь дозволенного эгоизма невыносимо тѣсенъ, ищетъ себѣ пищи повсюду, и, не находя въ дѣйствительной жизни решительно ни одной мысли, ни одного выразившагося благороднаго общественнаго стремленія, къ которому могла бы примкнуть со всѣмъ пыломъ молодости, отдается первой представившейся утопіи, не имѣя достаточно ни характера, образованнаго воспитаніемъ, ни достаточной философской подготовки, чтобы открыть несостоятельность и даже иногда нравственное безобразіе очаровавшей ихъ идеи. Вотъ источникъ, изъ которого по временамъ появляются тѣ молодые коммунисты, соціалисты, фурьеристы, сенъ-симонисты, атеисты, материалисты и проч., которые, вспыхивая иногда какъ блудящіе огоньки на тихомъ, покрытомъ безразличною тьмою общественномъ болотѣ, такъ пугаютъ собою Правительство. Что государству и народу при такомъ состояніи общественной нравственности образованнаго класса тяжело, этого нѣтъ надобности и доказывать; но хорошо ли и правительству? Скажу съ увѣренностью: общество безъ высказанныхъ общественныхъ убѣждений -- самое опасное общество для правительства: это именно болото, зеленѣющее, гладкое, тихое, чуждое бурь, съ виду безопасное и даже заманчивое; но въ которомъ, гдѣ ни поставишь ногу, вездѣ провалишься и нигдѣ не найдешь точки опоры. Оно можетъ парализовать даже силу Геркулеса, ворочающаго горами; оно же засасываетъ и правительства понемногу, незамѣтно, посреди пышной лести, всѣхъ атрибутовъ неограниченной власти, окружая его кажущимся покоемъ и улыбающимися картинами мирнаго счастія. Обществомъ, въ которомъ сформировались общественные убѣ-

жденія, управлять правительству не легко, но возможно: оно видить и друзей и недруговъ своихъ; но обществомъ, основаннымъ только на личномъ эгоизмѣ членовъ, управлять невозможно: здѣсь все враги, потому что рѣшительный эгоистъ другъ только самому себѣ и врагъ всему, что не онъ, хотя врагъ улыбающійся, кланяющійся, готовый, какъ кажется, броситься для васъ въ огонь и въ воду. На какое бы благородное усиление ни рѣшилось правительство, ему необходимъ органъ, черезъ который оно могло бы дѣйствовать, орудіе для приведенія въ исполненіе его намѣреній. И недостатка въ этихъ орудіяхъ, конечно, не окажется, какова бы ни была проводимая мѣра, и чѣмъ хуже она, тѣмъ болѣе найдется покорнѣйшихъ орудій, которыя будутъ готовы проводить сегодня одну мысль, а завтра совершенно противоположную. Но въ томъ-то и дѣло, что не то орудіе надежно, которое гнется во всѣ стороны; это гнилое орудіе; но то которое создано для одной определенной цѣли и если не годится для другихъ, то мѣтко достигнетъ той, для которой оно назначено. Но этого мало: человѣческой природѣ не свойственно быть безсознательнымъ проводникомъ чужой воли и тотъ, кто готовъ принять и броситься выполнить всякое желаніе правительства, каково бы это желаніе ни было, не только не выполнить изъ нихъ ни одного хорошо, но сумѣеть изъ всякаго извлечь только свою собственную пользу, отбросивъ остальное. Такимъ образомъ самое, повидимому, покорное общество является на дѣлѣ самымъ непокорнымъ, парализующимъ государственную дѣятельность. Сколько благодѣтельныхъ мѣръ погибло у насъ такимъ образомъ! И замѣчательно, что при этой обстановкѣ правительства, всякая дурная мѣра возможнѣе въ исполненіи хорошей, потому что это сословіе преимущественно кормится дурными мѣрами. Правительство хотѣло, напримѣръ, воспитывать честныхъ, знающихъ дѣло и умныхъ служителей государству и это ему плохо удалось: задумало правительство

остановить образование—и покорных орудія его воли въ десять лѣтъ надѣлали столько зла по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, что его нельзя исправить и въ полстолѣтія. Такая общественная обстановка, достигнувъ до крайности, какой, напримѣръ, она достигла въ Китаѣ, решительно оставляетъ правительству одну тѣнь власти. Покорнѣйшія орудія воли именно потому и опасны, что они дѣлаютъ своимъ покорнѣйшимъ слугою того, кто думаетъ повелѣвать ими. Даже въ частной семейной жизни нерѣдко случается видѣть, какъ иной крутой, деспотический характеръ, не выносящей чужихъ убѣжденій, прогонить отъ себя и жену и дѣтей, и сдѣлается слугою самаго негодного изъ слугъ своихъ; но въ государственной жизни это явленіе особенно поразительно и можно процарствовать неограниченнѣйшимъ образомъ по формѣ, а въ сущности быть всю жизнь послушнѣйшимъ орудіемъ толпы интригановъ, которые потомъ сами же свалять все зло на своего благодѣтеля, хотя они-то именно и умѣли извращать всѣ его намѣренія. Таковъ ужъ неизмѣнныи законъ человѣческой природы, и нетерпящій противорѣчащихъ убѣжденій деспотизмъ самъ себя казнитъ: это законъ души человѣческой, и никакая человѣческая власть перемѣнить его не въ силахъ.

Я не буду здѣсь изыскивать въ подробности всѣхъ причинъ такого состоянія убѣжденій русского общества, но не могу, однакоже, не указать мимоходомъ на двѣ главнѣйшія изъ нихъ, потому что они прямо приведутъ меня къ дѣлу.

Первая изъ этихъ причинъ заключается въ отсутствіи прочныхъ постоянныхъ и ясно высказанныхъ политическихъ убѣжденій въ самомъ правительстве. Можно исторически показать, какъ часто мѣнялись убѣжденія нашего правительства не только съ перемѣнами царствованій, но даже въ одно и то же царствованіе и, что всего хуже, мѣнялись такъ, что эта перемѣна совершилась невидимо и неслышимо для большинства и могла быть только угадываема въ мѣрахъ внезапно

принимаемыхъ правительствомъ. Такъ, напримѣръ, въ одно и то же царствованіе было время, когда университетское образованіе поощрялось всѣми возможными служебными приманками, было другое время, когда смотрѣли на университеты съ крайнимъ недовѣріемъ, почти какъ на необходимое зло, которое надоѣно, по крайней мѣрѣ, по возможности стѣснять, и пришло, наконецъ, такое время, когда убѣдились, что полезнѣйшіе дѣятели, люди сколько-нибудь честные, на патріотизмъ которыхъ можно положиться, выходятъ большею частію изъ университетовъ. Что же? найдемъ ли мы въ исторіи нашихъ университетовъ причины такихъ перемѣнъ? Конечно, нѣтъ. Они во все это время продолжали, то поощряемые, то стѣсняемые, свою мирную дѣятельность и, конечно, нельзя же было найти проявленія революціоннаго духа въ томъ, что студентъ попадался въ разорванной фуражкѣ или отвѣчалъ дерзостью полиціи. Развѣ люди, кончившиe курсъ въ корпусахъ, не дѣлали того же самаго? Если перебрать всѣхъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ нашихъ, то мы увидимъ, что далеко меньшая часть ихъ получила воспитаніе въ университетахъ. Но положимъ, что университетское образованіе имѣло вредное влияніе на юношество: зачѣмъ же давали такое направленіе этому образованію? зачѣмъ поощряли его? Развѣ назначеніе каѳедръ и опредѣленіе профессоровъ было не въ рукахъ правительства? Отецъ, отправляющій въ университетъ своего сына, развѣ участвовалъ въ устройствѣ университетовъ, развѣ не отдавалъ онъ его на руки правительству? Зачѣмъ потомъ требовали невозможнаго? Нельзя же сначала выучиться чему-нибудь, образоваться въ известномъ направлѣніи, а потомъ передѣлаться на другой ладъ, смотря по требованію. Если это и могутъ иныя натуры, то едва ли люди, обладающіе такими до корня гибкими натурами, могутъ быть надежными слугами государства?! Чего же правительство требовало при такой шаткости мѣръ, какъ не того, чтобы человѣкъ былъ, какъ говорить русская поговорка, «на всѣ руки»,

то-есть не имѣлъ никакихъ убѣжденій и годился всюду или, что все равно, не годился никуда.

Еще болѣе выражается это отсутствіе постоянныхъ общественныхъ убѣжденій правительства, если прослѣдить за послѣднее время исторію нашей цензуры. Она мѣняла свои требованія съ такою же непредвидимою непослѣдовательностью, съ какою мѣняется вѣтеръ въ Петербургѣ. Не только въ разное время, но въ одно и то же время въ разныхъ городахъ и въ одномъ и томъ же городѣ у разныхъ цензоровъ одна и та же мысль встрѣчала, да и теперь встрѣчаетъ, или пропускъ или запрещеніе. Что же это показываетъ? Не то ли, что сама цензура не знаетъ, что позволено, что запрещено, что можетъ быть полезно въ печати и вредно, и даже что будетъ пріятно правительству, что непріятно? Но кто же это долженъ знать? И не опасно ли это безпрерывное то ослабленіе, то подтягиваніе цензурной узды? Такъ можно испортить и раздражить даже лошадь лучшей и благороднѣйшей породы. Съ другой стороны, не дозволяя выскакиваться обществу, правительство само находится въ затруднительномъ положеніи, пугается призраковъ, не видя настоящихъ ямъ и руководствуется въ своихъ стремлѣніяхъ случайными явленіями, не имѣющими никакихъ отношеній къ обществу, во главѣ котораго оно стоитъ. Такъ, напримѣръ, февральская суматоха въ Западной Европѣ, не имѣющая къ намъ решительно никакого отношенія, имѣла однакоже на насть самое гибельное влияніе, именно черезъ посредство правительства. Правительство съ глубокимъ недовѣріемъ взглянуло на все, что походило на общественное убѣжденіе, сколько-нибудь не эгоистическое, и вотъ выдвинулись впередъ лица, не имѣющія никакихъ убѣжденій: толпа эгоистовъ, истачивающая государство, разомъ прихлынула въ громадномъ количествѣ, и эгоизмъ, считавшій до тѣхъ поръ необходимымъ, по крайней мѣрѣ, прикрываться какою-нибудь одеждой, нагло сталъ выставляться на показъ. Повѣрить ли

потомство, что было въ исторіи Россіи время, когда люди откровенно и публично сознавались во взяткахъ и казнокрадствѣ, извиняя себя тѣмъ, что они за то хорошие вѣрноподданные? А между тѣмъ, когда полудѣтей, виновныхъ только въ томъ, что они не получили основательнаго воспитанія, ссылали въ Сибирь, покорнѣйшіе слуги правительства вырывали глубокую бездну, всю глубину которой освѣтила только Крымская война. Теперь, когда все это стало прошедшімъ, можно уже сдѣлать такой вопросъ: могли ли всѣ неосторожные утописты, взятые разомъ за 50 лѣтъ, надѣлать столько общественныхъ бѣдствій, столько вреда государству и правительству и нанести столько личныхъ, глубокихъ, смертельныхъ огорченій Монарху, сколько надѣлали ихъ въ два года войны наши услужливые политики, наши генералы, наживавшіеся изъ бѣднаго имущества солдатъ, наши комиссаріатскіе сановники и чиновники и всѣ эти безмолвные вѣрноподданные слуги, которые *кричали о необходимости распинать каждого замечтавшагося мальчика?*

Другая причина отсутствія общественныхъ убѣжденій въ нашемъ обществѣ, зависящая отъ первой, заключается въ воспитаніи, которое получаетъ русское юношество.

Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе должно дѣйствовать не на одно увеличеніе запаса знаній, но и на убѣжденія человѣка. Принявши образованіе сначала по приказу правительства, русскіе потомъ невольно стали всасывать изъ него и то, что не нравилось уже и правительству, и вотъ началась странная борьба, въ которой выражалось желаніе устроить образованіе такъ, чтобы оно, увеличивая запасъ знаній, необходимыхъ для всякой европейской державы, въ то же время не касалось убѣжденій. Вслѣдствіе этого желанія не только философія была изгнана изъ университетовъ, но даже невинная логика изъ гимназій; не только ревностные исполнители воли правительства преслѣдовали всякое философское направленіе въ

учебныхъ заведеніяхъ и литературѣ, но даже прямо выражали свое официальное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искреннее отвращеніе отъ всякаго рода мышленія. Замѣчу только одно, что послѣ февральской революціи наши сановитые педагоги не шутя поговаривали о томъ, какъ бы оставить одни техническія заведенія въ Россіи, готовить инженеровъ, моряковъ, офицеровъ и даже астрономовъ, потому что и астрономія можетъ придать намъ ученый блескъ за границей, и вовсе не приготовлять политиковъ, философствующихъ юристовъ, публицистовъ и тому подобныхъ ненужныхъ и беспокойныхъ людей? «Вовсе отказаться отъ образованія нельзя», разсуждали они, «и стыдно и опасно: можно, пожалуй, дойти до такого состоянія, когда сотня европейскихъ пушекъ заставить трепетать стомилліонную имперію; но нельзя ли устроить дѣло такъ, чтобы, усвоивъ всѣ плоды европейской жизни, остаться при азіатскихъ понятіяхъ?» Къ счастію человѣческой природы, это оказалось совершенно невозможнымъ.

Воспитаніе, лишеннное единства убѣжденія, не рѣшившееся ни на какое положительное направленіе, не давая человѣку никакой общественной идеи, къ которой бы онъ могъ привязаться, открываетъ ему двѣ дороги: или сдѣлаться эгоистомъ, или утопистомъ; т. е. или обманывать правительство и грабить народъ, или кинуться въ первую попавшуюся утопію и при малѣйшей неосторожности погибнуть безъ пользы. Жить со вредомъ или гибнуть безъ пользы? Какой страшный исходъ; а между тѣмъ это такъ, если мы не хотимъ закрывать себѣ глазъ насильно. Не находя въ обществѣ признанныхъ, допускаемыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благородныхъ и возможныхъ убѣжденій, человѣкъ, смотря по природѣ своей, дѣлается или эгоистомъ, или безумнымъ утопистомъ,—это неизбѣжный законъ, и его не избѣгнетъ ни одно историческое общество, въ которомъ прослѣдуются всякаго рода общественные убѣжденія.

Неужели же пѣть выхода изъ этихъ гибельныхъ крайно-

стей? Неужели русскому остается или идти по дорогѣ общественного разврата, или кидаться въ безумныя утопіи? Нѣтъ, выходъ есть; но этотъ выходъ одинъ только: *правильныя христіанская, европейская и русская общественные убѣжденія*, въ которыхъ бы правительство могло честно сходиться съ подданными, въ которыхъ бы и правительство и подданные, отбросивши эгоистические разсчеты, примирялись въ идеѣ общественного блага. Такое срединное общественное убѣждение, болѣе или менѣе снисходительно примиряющееся съ крайностями и примиряющее ихъ въ себѣ; такая философская опора общественной нравственности, сильно поддерживаемая правительствомъ, положительными, но не отрицательными мѣрами, такой исходъ естественному чувству любви къ отчизнѣ— необходимъ, неизбѣженъ для каждого великаго общественного организма, если только онъ хочетъ жить, т. е. развиваться, а не гнить и разлагаться.

Письмо четвертое.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ я желалъ выразить всю крайнюю необходимость определенныхъ высказанныхъ политическихъ убѣждений для христіанского и европейского Монарха. Развить здѣсь вполнѣ каково должно быть это убѣждение, я, конечно, не могу: оно можетъ быть проведено только въ цѣлой системѣ политическихъ наукъ; но можно определить уже впередъ нѣкоторыя его характеристическая черты.

Политическая убѣжденія Монарха не должны быть эгоистичны, потому что они должны сдѣлаться убѣжденіями лучшихъ людей государства, а эгоистическая убѣжденія не передаются другимъ. Требуя отъ подданныхъ *безкорыстного служенія отечеству*, Монархъ долженъ подать собою примеръ такого служенія, тогда только требование его найдетъ отголос-

сокъ въ сердцахъ подданныхъ. Такъ называемые династические интересы не могутъ привлечь ни одного *искрепления* сердца и тѣмъ болѣе соблюдаются, чѣмъ менѣе заботится о нихъ правительство и тѣмъ болѣе забываетъ оно ихъ для пользы государства. Преподаваніе политическихъ наукъ должно показать съ полною ясностью будущему Монарху Россіи всю невозможность, чудовищность деспотизма въ европейскомъ и христіанскомъ государствѣ и должно глубоко укоренить эту мысль въ Его сердцѣ, потому что въ жизни не разъ будутъ стараться и случай и своекорыстные люди—свести Его на эту опасную дорогу, опасную одинаково и для Него Самаго и для Его народа. Пусть онъ вынесетъ изъ изученія политическихъ наукъ глубокое убѣженіе на всю жизнь, что слова, неограниченная монархія, означаютъ только то, что верховная власть, существующая и въ республикахъ, сосредоточивается въ неограниченной монархіи на одномъ лицѣ, но вовсе не означаетъ того, что неограниченный монархъ можетъ дѣлать, что ему угодно.

Неограниченной власти, въ смыслѣ неограниченного произвола, нѣтъ на землѣ—да нѣтъ и на небѣ, потому что если религія и приписываетъ Творцу неограниченность власти, то не потому, чтобы Онъ могъ дѣлать добро и зло, но потому, что Ему не нужно ограничивать Себя, ибо зло невозможно для Существа, вся сущность Котораго есть благо. Русскій народъ видитъ въ Царѣ своеемъ Помазанника Божія, вѣрить, что «сердце Его въ руцѣ Божіей» вѣрить, что Самъ Богъ укрѣпляетъ это сердце въ борьбѣ со зломъ и что неограниченный Русскій Монархъ находитъ достаточное ограничение въ собственномъ своемъ сердцѣ, управляемомъ Божественнымъ Промысломъ; словомъ, въ русскомъ народѣ покорность Царю есть только земное выраженіе покорности Промыслу Божію. Наука общества должна только укрѣпить и развить ту же самую мысль; она должна показать до очевидности ясно, что не одни

только законы физической природы, но и законы природы духовной, законы религіи, законы души человѣческой, законы жизни общественныхъ организмовъ и законы исторіи ограничивають неограниченного Монарха безконечно болѣе, чѣмъ каждого изъ его подданныхъ, и что нарушеніе этихъ законовъ такъ же неизбѣжно отомщается духовными болѣзнями и духовными страданіями, какъ нарушеніе законовъ физической природы болѣзнями и страданіями физическими. Неограниченный законодатель долженъ всегда помнить, что законъ не есть выраженіе его произвола, но выраженіе исторической необходимости общества, котораго Онъ, по волѣ Провидѣнія, является верховнымъ органомъ, и что законъ, который Онъ выразилъ, обязателенъ для Него точно такъ же, какъ и для Его подданныхъ. Право измѣнять законы, конечно, принадлежитъ Ему, но должно соединяться въ Немъ съ глубочайшимъ уваженіемъ къ святости закона. Священнослужитель, приготовляя Евхаристію своими грѣшными руками, въ то же самое время благоговѣеть передъ нею, какъ передъ величайшею Святынею. Царствованіе по вѣрѣ народа есть также совершеніе высокаго таинства Помазанникомъ Божіимъ! Христіанское государство не можетъ быть несвободно. Спаситель Кровію Свою освободилъ каждого христіанина; но христіанская свобода состоить не въ рабскомъ подчиненіи необузданнмъ страстямъ, а напротивъ, въ ограниченіи себя законами религіи, нравственности и разума: въ этомъ же состоить и неограниченность, т. е. свобода христіанского Монарха, стоящаго по волѣ Божіей во главѣ христіанского народа.

Политическія убѣжденія Монарха должны быть прогрессивны т. е. допускать возможность развитія государства во всѣхъ отношеніяхъ. Политическія науки должны во множествѣ фактовъ дать убѣжденіе Государю Наслѣднику, что государство есть организмъ и *неизбѣжно* подчиняется общимъ зако-

намъ организмовъ; всякий же организмъ или развивается или разлагается и остановить его на одной точкѣ невозможнo, какъ невозможно остановить времени. Картины разложенія государствъ классического міра должны внушить Ему глубокое отвращеніе отъ этого гибельного пути, на которомъ первое падаетъ и страдаетъ всѣми язвами духа само правительство. Но тогда какъ въ древнемъ мірѣ государство, какъ растеніе, возникало изъ незамѣтнаго сѣмени, развивалось, мужало и потомъ, достигнувъ апогея своего развитія, неизбѣжно начинало склоняться къ упадку, въ христіанскомъ государствѣ жизнь государства вѣчна, по крайней мѣрѣ, вѣчна по земному, если его общественная нравственность развивается на основаніи евангельскихъ законовъ. Такое государство, цѣлью развитія котораго является христіанскій недосягаемый идеалъ, не можетъ одряхлѣть и умереть; оно обладаетъ вѣчною силой обновленія, какою обладаетъ слово Спасителя. Отнимите у французского народа христіанскія нравственные убѣжденія, которыя безсознательно сохраняются еще нѣкоторое время и тогда, когда вѣра уже угасаетъ, и первое революціонное потрясеніе будетъ для Франціи смертельно, превратить ее на всегда въ то позорище безсмысленаго, грубаго насилия, въ которомъ мы видимъ Персію, Китай или Римъ въ послѣднее время его жизни. Въ одномъ христіанствѣ есть неисчерпаляемый ключь свободной, здоровой, вѣчно развивающейся и цвѣтущей государственной жизни. Многія государства Европы начинаютъ уже расплачиваться безсмысленностью потрясеній за массу прибывающаго безвѣрія; но милосердный Творецъ да спасетъ отъ этого Россію черезъ руки своихъ Помазанниковъ.

Но христіанство есть *жизнь*, а не догматъ, и отдѣленіе религіи отъ жизни лишаетъ жизнь религіи и религію жизни. Если опасенъ атеизмъ, то не менѣе опасно идолопоклонство, сохраненіе же догматовъ вѣры на всякой случай, для собственнаго счастья въ этомъ мірѣ и спасеніе души въ будущемъ,

лукавое отъление религії отъ жизни есть ничто иное, какъ идолопоклонство, оскорбляющее религію и разрушающее жизнь. Не сказалъ ли Спаситель, что кто хочетъ спасти душу свою, тотъ погубить ее, и кто погубить ее ради вѣры и ближнихъ своихъ, тотъ спасеть ее? Это вѣчно живая основа христіанства и кто удаляется отъ нея, тотъ удаляется разомъ отъ христіанства и жизни.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о самомъ порядкѣ преподаванія и о томъ, какие общественные предметы и въ какомъ объемѣ должны войти въ него, не придавая особенного значенія словамъ моимъ, потому что программы могутъ быть разнообразны и вести къ одной и той же цѣли,—да и чертить ихъ легко, но выполнить трудно.

Я полагалъ бы начать преподаваніе *общественныхъ наукъ* съ общаго энциклопедического введенія, съ *энциклопедіи общественныхъ наукъ*. Этотъ предметъ, соединяя всѣ пріобрѣтенія уже Государемъ Наслѣдникомъ познанія и убѣжденія, долженъ бы быть скорѣе откровенною, задушевною бесѣдою, нежели наукою, и основываться съ одной стороны на глубинѣ и ясности убѣжденій преподавателя, а съ другой на постепенномъ самостоятельномъ раскрытии сознанія Слушателя. Въ этомъ предметѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, преподаватель долженъ руководить самостоятельностью Изучающаго, потому что главная цѣль есть не передача фактовъ, но свободное развитіе сознанія въ опредѣленномъ направлениі и свободная формациѣ основныхъ общественныхъ убѣжденій. Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать все содержаніе предмета; но я замѣчу только, что преподаватель долженъ начать съ самыхъ извѣстныхъ законовъ физической природы и постепенно, логически, основываясь единственно на постепенномъ развитіи сознанія Изучающаго, возвыситься до нравственныхъ законовъ міра духовнаго. Затѣмъ должна быть изложена въ краткихъ, но опредѣленныхъ чертахъ, психологія человѣка, какъ основа его общественной

жизни, а потомъ общіе фізіологические законы самого общества, постоянно подтверждаемые и уясняемые примѣрами, взятыми, какъ изъ существующихъ, такъ и изъ отжившихъ государствъ. Способъ самого изложенія, его обширность или сжатость, быстрота или медленность зависятъ совершенно отъ той ступени развитія, на которой стоитъ въ настоящее время Государь Наслѣдникъ и отъ количества приобрѣтенныхъ Имъ уже географическихъ и историческихъ свѣдѣній; а потому я не могу объ этомъ сказать ничего положительнаго. Познакомившись съ данными, преподаватель самъ начертитъ себѣ путь. Результатомъ изученія этого предмета должны быть прочныя, глубоко сознанныя основанія наукъ юридическихъ, политическихъ и государственныхъ, къ частному изложению которыхъ я теперь перехожу.

Изложение юридическихъ наукъ Государю Наслѣднику, не имѣя цѣлью приготовить въ Немъ ни ученаго юриста, ни даже юриста практика, должно иметь много особеностей, и преподаватель, избравъ определенную цѣль, долженъ неуклонно къ ней стремиться, избѣгая съ одной стороны частностей, трудно удерживаемыхъ памятью, а съ другой—отвлеченныхъ воззрѣній, занимательныхъ для ученаго, но не приложимыхъ въ жизни.

Цѣли, къ достиженію которыхъ должно бы стремиться преподаваніе юридическихъ наукъ Государю Наслѣднику, состоять въ слѣдующемъ:

1. Преподаваніе юридическихъ наукъ, къ которымъ въ строгомъ смыслѣ относятся только гражданское и уголовное право, должно развить въ Государѣ Наслѣднике естественное, врожденное человѣку чувство справедливости, давъ этому чувству правильный исходъ въ юридической сферѣ.

2. Сообщить Ему твердыя основанія обоихъ правъ; такъ, чтобы каждый данный уголовный или гражданскій казусъ и законъ Онъ могъ разложить на его составные элементы, отличить въ нихъ существенное отъ несущественного, принадле-

жащее праву и справедливости отъ того, что принадлежитъ историческому вліянію, случаю, политическимъ соображеніямъ, и въ каждомъ данномъ казусѣ или законѣ открыть основную мысль, подлежащую Его рѣшенію.

3. Сообщить Ему навыкъ къ такимъ разложеніямъ юридическихъ казусовъ и законовъ при разсмотрѣніи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

4. Ознакомить Государя Наслѣдника настолько съ положительнымъ законодательствомъ, русскимъ и иностраннымъ, чтобы Онъ впослѣдствіи могъ самостоятельно обращаться къ нимъ при представляющихъ Ему юридическихъ вопросахъ.

Достичь этихъ цѣлей, какъ мнѣ кажется, было бы весьма нетрудно.

При изложеніи гражданскаго права слѣдовало бы по преимуществу держаться нормальной теоріи, построенной, по возможности, на строгихъ логическихъ основаніяхъ римского права, избѣгая при томъ всѣхъ его мелочныхъ тонкостей, въ которыхъ такъ любятъ вдаваться римскіе юристы. Ничто такъ не развиваетъ юридического такта, какъ изученіе римского права: въ этомъ, педагогическомъ, отношеніи римское право есть неоцѣненное наслѣдіе классического міра. Времени на такое изученіе, если оно ограничится необходимымъ, потребуется весьма немного. Основныхъ элементарныхъ положеній въ гражданскомъ правѣ мало, а ясная опредѣленность римского права очень облегчаетъ ихъ изученіе. Трактаты о личности, владѣніи, собственности, давности, договорахъ, наслѣдствѣ и семейномъ правѣ могутъ быть изложены въ весьма ограниченное число лекцій, не болѣе 18 или 20-ти. Но каждый изъ этихъ трактатовъ необходимо расширится, если преподаватель, принявъ за норму права его теоретическое изложеніе, укажетъ на важнѣйшія отклоненія отъ этой нормы, какъ по русскому, такъ и по иностраннымъ законодательствамъ. Норма права, по самой естественности своей, легко начерчивается въ умѣ,

а вслѣдствіе того и отклоненія отъ нея замѣчаются безъ труда. При такомъ изложеніи выиграется время, котораго много тратится обыкновенно на научныя дѣленія и опредѣленія. Послѣ такого изложенія преподаватель можетъ уже приступить къ разсматриванію гражданскихъ дѣлъ и при этомъ познакомить Государя Наслѣдника съ составомъ Свода Законовъ и даже съ ходомъ нашего судопроизводства. Останавливаться долго на знакомствѣ со Сводомъ Законовъ совершенно бесполезно: дѣло состоить здѣсь не въ томъ, чтобы знать Сводъ,—это невозможно и бесплодно, но чтобы пріобрѣсти навыкъ находить въ немъ, что требуется, и точно понимать найденное.

Изложеніе уголовнаго права потребуетъ нѣсколько болѣе времени по самому разнообразію входящихъ въ него элементовъ. Психологическія знанія, служащія основою уголовному праву, должны быть уже переданы въ энциклопедіи общественныхъ наукъ, гдѣ они будутъ на своемъ мѣстѣ. Трактать о вмѣненіи долженъ быть изложенъ съ особеною ясностью, точно такъ же, какъ и всѣ различныя теоріи наказаній съ указаніемъ на существующія ихъ формы, какъ по русскимъ, такъ и по иностраннѣмъ законамъ. Особенное вниманіе можетъ быть обращено на устройство образцовыхъ исправительныхъ тюремъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ. Потомъ слѣдуетъ такое же разсмотрѣніе дѣлъ, какъ и при изученіи гражданскаго права.

Система гражданскаго и уголовнаго судоустройства и судопроизводства должны быть изложены въ связи, по возможности кратко, при чёмъ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на изложеніе характеристическихъ отличій нашего судопроизводства отъ господствующаго за границей суда присяжныхъ.

Прочное основаніе *государственнымъ наукамъ* должно быть предварительно положено также въ энциклопедіи общественныхъ наукъ и отчасти въ исторіи. Здѣсь же, въ отдельной наукѣ, слѣдовало бы изложить уже въ системѣ исторію развитія общественныхъ организмовъ, начиная съ простѣйшихъ

формъ общественнаго быта, сохранившихся у народовъ дикихъ и кочевыхъ, и доводя до сложнѣйшихъ европейскихъ формъ, при чёмъ слѣдуетъ прочесть критически вполнѣ или отрывками лучшія сочиненія знаменитѣйшихъ европейскихъ публицистовъ. Потомъ слѣдовало бы пройти въ главнѣйшихъ чертахъ исторію развитія государственного организма Россіи, избѣгая всего, что имѣеть одно лишь археологическое достоинство и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ въ настоящемъ. Въ заключеніе должно быть изложено современное состояніе государственного организма Россіи, не вдаваясь въ подробности, легко исчезающія изъ памяти.

Объ изложеніи политической экономіи я уже сказалъ. Международное право, которое имѣеть только историческое значеніе и есть ничто иное, какъ исторія трактатовъ, найдетъ себѣ мѣсто при изложеніи новѣйшей исторіи; а изученіе политики, какъ особой науки, я не считаю необходимымъ и даже возможнымъ и его можно замѣнить чтеніемъ нѣсколькихъ лучшихъ политическихъ сочиненій.

Науки математической и ихъ приложенія.

Изученіе математическихъ наукъ всегда имѣеть двѣ цѣли: развитіе разсудка и подготовленіе къ изученію многихъ техническихъ наукъ, строящихся въ основѣ на математическихъ законахъ; таковы: артиллерія, инженерное искусство и т. под.; а потому на преподаваніе математики слѣдуетъ смотрѣть съ обѣихъ этихъ точекъ зреїнія.

Въ прежнее время математика пользовалась извѣстностью науки, исключительно развивающей разсудокъ; но современные германскіе педагоги, руководствующіеся психологіей Бенеке, почти совершенно отнимаютъ у математики это достоинство, утверждая, что она развиваетъ только математическую способности. Но, не придавая математикѣ значенія науки, исключительно развивающей разсудокъ; нельзя не видѣть, что

точность, последовательность и строгость математическихъ выводовъ даютъ человѣку, занимающемуся ими, особенную привычку къ быстрому и строго логическому соображенію данныхъ и выводовъ, причинъ и послѣдствій. Но если математические законы примѣшиваются ко всему, то они далеко не обнимаютъ собою всего, и если они служатъ основаніемъ многимъ техническимъ наукамъ, то вѣдь этого техническаго приложенія менѣе всего доставляютъ пользы въ пониманіи общественной жизни, которая слагается изъ элементовъ вовсе не подлежащихъ исчислению математики. Математическая соображенія слишкомъ *прямолинейны*, какъ называетъ ихъ г-жа Сталь, тогда какъ всякий жизненный вопросъ требуетъ соединенія въ фокусъ одной идеи множества разнообразнѣйшихъ и повсюду разбросанныхъ данныхъ. Вотъ почему исключительное занятіе математикой кладетъ иногда особенно вредный въ жизни отпечатокъ на человѣка, сообщаетъ его мыслямъ именно эту математическую прямолинейность, дѣлаетъ его взгляды на жизнь односторонними, придаетъ имъ какую-то особенную сухость и безжизненность. Привычка же довѣряться вѣрности математическихъ выводовъ дѣлаетъ часто математиковъ упрямymi фантазерами или бесплодными критиками. Начавъ съ извѣстного или справедливаго положенія, не видя множества разнообразнѣйшихъ жизненныхъ вліяній, они приходятъ иногда къ самымъ эксцентрическимъ выводамъ или къ особенно сухой и бесплодной формальности. Справедливость этой психологической замѣтки обнаруживается весьма ясно и у насъ.

Изъ всѣхъ наукъ, вообще не слишкомъ процвѣтающихъ въ Россіи, болѣе всѣхъ, однако, процвѣтаетъ математика и въ ея сферѣ мы имѣмъ уже нѣсколько европейскихъ знаменитостей. Въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ математика считается самымъ главнымъ предметомъ, мѣриломъ способностей и успѣховъ ученика, и занимаетъ мѣсто центральной,

сосредоточивающей науки. Таково, конечно, и должно быть положение математики въ заведеніяхъ техническихъ, гдѣ главные технические предметы, какъ напримѣръ, въ Политехнической Парижской Школѣ, основаны на математикѣ, но, во-первыхъ, наши военно-учебныя заведенія имѣютъ не одну техническую цѣль, но и воспитательную, потому что въ нихъ поступаютъ дѣти, нуждающіяся еще предварительно въ общемъ гуманномъ воспитаніи; а, во-вторыхъ, лица, получающія воспитаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, не дѣлаются у насъ только техниками, инженерами, артиллеристами и проч.; но по преимуществу предсѣдателями разныхъ учрежденій, губернаторами, попечителями университетовъ, людьми финансовыми, министрами и даже оберъ-прокурорами Св. Синода; тогда какъ, наоборотъ, человѣкъ, получившій *статское* образованіе, до-служись онъ хоть до дѣйствительного тайного совѣтника 1-го класса, чтобы сдѣлаться военнымъ, долженъ начать службу съ юнкера. Какая же мысль выражается въ этомъ раздѣленіи всей образованной служащей и служившей Россіи на два враждебные лагеря: статскій и военный? Неужели та, что для того, чтобы командовать взводомъ, нужно имѣть специальное приготовленіе и что не нужно никакого приготовленія для того, чтобы управлять губерніей, министерствомъ, учебнымъ округомъ, университетомъ? Недостатокъ общаго гуманного образованія, недостатокъ знакомства съ специальными общественными науками и преобладаніе математического и технического направленія составляютъ, безъ сомнѣнія, одну изъ послѣднихъ причинъ замѣчательного безсилія и безплодія нашей администраціи, которая, несмотря на свою громадность, математическую расчитанность и вѣчное движеніе своихъ безчисленныхъ колесъ, даетъ такъ мало положительныхъ результатовъ. Не убѣждаютъ ли насъ факты безпрестанно, что управление общественными дѣлами также требуетъ специальныхъ знаній, что для министра финансовъ вовсе не лишнее знать

политическую экономию, статистику и науку финансовъ, и что недостаточно еще умѣть командовать полкомъ, чтобы быть въ состояніи дать направление университету?

Но для Правителя Государства, которому менѣе всего необходимо быть техникомъ, исключительное занятіе математическими науками не имѣть никакого значенія. Онъ долженъ настолько знать высшую математику, чтобы быть въ состояніи получить общее понятіе о главнѣйшихъ ея техническихъ приложеніяхъ, и настолько познакомиться съ техническими приложеніями, чтобы умѣть оцѣнить ихъ важность; а для этого требуется весьма немногое.

Объ изученіи военныхъ предметовъ я говорить не буду, потому что самъ никогда не занимался ими. Скажу только одно, что при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ Монархъ Россіи не можетъ не быть воиномъ; но, что во всякомъ случаѣ, при множествѣ завязывающихся вновь общественныхъ вопросовъ, для Россіи необходимъ гораздо болѣе мудрый правитель, нежели великій полководецъ.

Науки эстетической.

Науки эстетической, основывающіяся главнымъ образомъ на развитіи вкуса, не могутъ имѣть прямого практическаго значенія въ той дѣятельности, которая ожидаетъ въ жизни Государя Наслѣдника; но не прямое, а посредственное ихъ влияніе тѣмъ не менѣе важно. Тотъ, Кто не готовится быть ни писателемъ, ни критикомъ, ни художникомъ, чья жизнь и безъ того будетъ слишкомъ полна, чтобы нашлось въ ней место для занятій художествами, тѣмъ не менѣе можетъ извлечь изъ эстетическихъ наукъ то одушевленіе, которое подвигаетъ человѣка на хорошее дѣло и иногда придаетъ полезному дѣлу привлекательный художественный оттѣнокъ.

Чтеніе великихъ поэтовъ, наслажденіе художественными произведеніями, не приходя въ овладѣвающую человѣкомъ

страсть, что можетъ имѣть и весьма дурныя послѣдствія для лица, необходимо предназначенаго къ обширной практической дѣятельности, оказываетъ благодѣтельное вліяніе, настраивая его помыслы на возвышенный тонъ; а открывая человѣку благородныя наслажденія въ минуты отдыха, эстетическія науки часто избавляютъ его отъ многихъ вредныхъ увлеченій, унижающихъ или разстраивающихъ и душу и тѣло. Кромѣ того, Государь, по самому сану своему, долженъ быть покровителемъ изящной литературы, поэзіи и искусствъ, не только какъ лучшихъ украшеній жизни народной, но и какъ могущественныхъ дѣятелей народнаго воспитанія. Однакоже исключительное художническое направленіе можетъ быть даже вреднымъ въ Монархѣ, чemu мы видимъ многіе примѣры въ исторіи. Вотъ почему я полагаю, что художественный элементъ, хотя и долженъ имѣть мѣсто въ образованіи Государя Наслѣдника, но никогда не можетъ стоять на первомъ планѣ.

Чтеніе образцовыхъ писателей, русскихъ и иностранныхъ, и изученіе замѣчательныхъ картинъ въ оригиналахъ или копіяхъ и образцовъ архитектуры и ваянія съ историческими и эстетическими объясненіями преподающаго, должно предшествовать изученію исторіи литературы, исторіи искусствъ и ихъ теоріи. Когда изящный вкусъ Изучающаго получить надлежащее развитіе и память его обогатится художественными образами, тогда небольшая исторія литературы и искусствъ будетъ для Него и занимательна и совершенно понятна. Къ эстетическимъ же наукамъ отношу я и краткое изложеніе естественныхъ наукъ, потому что въ образованіи Государя Наслѣдника естественные науки должны входить только какъ предметъ развивающій разумъ и расширяющій воззрѣнія на жизнь. Насколько Государь Наслѣдникъ знакомъ съ этой отраслью наукъ—мнѣ неизвѣстно, а потому я и не могу ничего сказать объ ихъ преподаваніи. Если нѣкоторое основаніе имѣ уже положено, то, напримѣръ, чтеніе съ преподава-

телемъ двухъ, трехъ такихъ сочиненій, каковы физіологическая лекція Бенеке или Гумбольдтовъ «Космосъ», я считаю совершенно достаточнымъ.

Обозрѣвая весь кругъ предметовъ преподаванія, которые по моему мнѣнію, должны входить въ образованіе Государя Наслѣдника, нельзя не обратить вниманіе на разнообразіе и обширность этого круга. Онъ разнообразнѣе и обширнѣе всякаго отдельно взятаго университетскаго факультета; но, не имѣя ни ученой, ни технической цѣли, которая преслѣдуются въ университетахъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, можно весьма удобно пройти все эти предметы въ продолженіе четырехлѣтняго курса, если, конечно, на ученье будетъ посвящено достаточно времени и если обязанности и удовольствія придворной жизни преждевременно не будутъ слишкомъ мѣшать учению. Жизнь, ожидающая Государя Наслѣдника, такъ обширна и полна, что Ему не зачѣмъ торопиться жить и необходимо хорошо приготовиться къ жизни предварительно. Кромѣ того, излагая всѣ эти науки, преподаваніе должно быть оживлено однимъ духомъ, однимъ направленіемъ и стремиться не къ тому, чтобы передать всѣ входящія въ нихъ познанія, но къ тому, чтобы сообщить Государю Наслѣднику любовь и навыкъ къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ не только общественными дѣлами, но и общественными науками. Если эта любовь зародится въ Его сердцѣ, то можно надѣяться, что Онъ не оставитъ заниматься наукой и по прекращеніи формального ученія и будетъ находить въ ней наслажденіе посреди всей блестящей обстановки Его жизни. Воспитаніе и здѣсь, какъ и вездѣ, есть только приготовленіе къ самовоспитанію, и если воспитаніе было хорошо, то самовоспитаніе будетъ продолжаться всю жизнь. Принимая въ свои руки бразды развивающейся человѣческой природы, всякое воспитаніе должно оканчивать передачею ихъ въ руки самого воспитанника.

Въ заключеніе считаю необходимымъ прибавить, что я вы-
сказалъ здѣсь мысли мои о воспитаніи или, лучше сказать,
одномъ научномъ образованіи Государя Наслѣдника настолько,
насколько могъ, не будучи знакомъ съ настоящимъ полож-
женіемъ этого воспитанія, и стараясь преимущественно выра-
зить духъ, который, какъ мнѣ казалось, долженъ бы оживлять
все преподаваніе, мало вдавался въ частности преподаванія
каждой науки, потому что эти частности могутъ быть распо-
ложены такъ или иначе, но вести къ одной и той же цѣли:
пробудить и разъяснить въ душѣ будущаго Монарха высокіе
интересы ожидающей Его жизни. Если я позволилъ себѣ то
или другое выраженіе, которое бы вычеркнула цензура, то я
думаю, что цензура установлена для подданныхъ, а не для
монарховъ. Высокое же вниманіе, котораго были удостоены
первыя мои два письма, налагаетъ на меня святую обязан-
ность говорить вездѣ правду и одну только правду или то,
что мнѣ кажется правдою, не стѣсняя ее выраженіями. Въ
первый разъ въ жизни моей дала мнѣ судьба возможность
высказать истину въ такой высокой сферѣ, гдѣ слово можетъ
всегда сдѣлаться дѣломъ, и неужели я позволилъ бы какому-
нибудь эгоистическому расчету управлять мою рѣчью? Оши-
бокъ въ ней, безъ сомнѣнія, много; но преднамѣренного укло-
ненія отъ истины нѣтъ ни въ одномъ словѣ. Вотъ что даетъ
спокойствіе моей совѣсти, и если Милосердному Богу будетъ
угодно хотя одной изъ моихъ мыслей дать полезное вліяніе
на воспитаніе будущаго Монарха Россіи, то я буду считать
себя безъ мѣры и не по достоинству взысканнымъ милостями
Создателя.